УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.Л.РУБИНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

А.А.Бреусенко-Кузнецов
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета
«Киевский политехнический институт»

У статті подано дослідження особливостей методологічного внеску С.Л.Рубінштейна у розвиток вітчизняних психологічних традицій. С.Л.Рубінштейн виступив засновником як діяльнісного, так і суб'єктного підходу у радянській психології, а також онтологічної традиції.

Ключові слова: діяльнісний підхід, суб'єктивний підхід.

Позиция, занимаемая С.Л.Рубинштейном в процессе развития отечественной психологической науки, может быть названа узловой, ибо она образована пересечением целого ряда традиций. Это пересечение, если воспользоваться автодорожной метафорой, представляет собой не простой перекрёсток, а сложную многоуровневую развязку – с туннелями и мостами. Двигаясь в логике одного уровня, порой можно не заметить других, иноуровневых магистралей, тем более, что некоторые из них скрыты, спрятаны, засекречены (не надо забывать, что основной период творчества С.Л.Рубинштейна пришёлся на сложный для отечественной науки период, когда экспликация связи с любой инородной марксизму традицией была просто опасной для жизни учёного).

С.Л.Рубинштейн – один из основателей советской психологии, построенной на принципах *марксизма* (в этом качестве он наиболее известен), автор наиболее удачной попытки применения в психологической науке учения К.Маркса. В то же время он – творческий продолжатель той дореволюционной *онтологически-ориентированной* линии в отечественной психологии, которая была искусственно прервана (линии, отторгаемой советской психологией как идеологически чуждая – поскольку метафизическая, спиритуалистическая, религиозная).

С.Л.Рубинштейн – основоположник *деятельностного подхода*, автор методологических принципов *детерминизма* (диалектико-материалистического) и *единства сознания и деятельности* (каковые принципы прочно вошли в фундамент советской психологии). В то же время он основоположник и *субъектного* подхода, автор принципа *творческой самодеятельности*, который первичен по отношению к освоению учёным психологических идей Маркса – и более ёмок, чем те построения, которые удалось «верифицировать» ссылками на этот авторитет. Учитывая современный непримиримый методологический конфликт между деятельностным подходом (получившим наиболее широкое применение в модификации А.Н.Леонтьева) и субъектным подходом, развиваемым учениками С.Л.Рубинштейна, можно было бы счесть удивительной возможность писать его имя на знамёнах противоположных станов, если бы она не объяснялась чисто номинальным сходством: деятельностный подход у Рубинштейна и Леонтьева – это в сущности два разных подхода (а вовсе не один подход, приоритет в котором принадлежит Рубинштейну, а классическая форма – Леонтьеву). Собственно, и надобность в новом названии подхода – «субъектный» – появилась в связи с тем, что название «деятельностный подход» закрепилось за тем подходом, в котором оказались вынесены за скобки именно те центральные моменты, ради которых Рубинштейном этот подход и задумывался.

Предшественники С.Л.Рубинштейна (философы), также как и его последователи-психологи, принадлежали к двум (и ещё более непримиримым) лагерям, которые условно можно обозначить как *позитивистско-марксистский* и *спиритуалистско-метафизический (онтологический)*. С первым из этих лагерей связь образа мыслей С.Л.Рубинштейна была, по-видимому, внешне-формальная и эксплицитная, со вторым – внутренне-содержательная, имплицитная.

С.Л.Рубинштейн и марксизм – эта связь, дерзнём предположить, есть порождением вполне конкретных условий социальной действительности (в которых психолог-немарксист не мог бы продуктивно работать, профессионально жить). О пронесённом через всю творческую жизнь Сергея Леонидовича дореволюционном увлечении идеями К.Маркса упоминают его ученики (К.А.Абульханова-Славская, А.В.Брушлин-

ский) в аналитическом сборнике [*10*] (выпущенном хотя и в разгар перестройки, но в то время, когда марксистско-ленинская идеология в гуманитарных науках ещё требовала к себе почтительного отношения); о том же упоминается и в ретроспективных материалах самого Рубинштейна, помещённых там же, – и всё же трудно оценить меру искренности-лукавства этих упоминаний. Нет сомнения, что с учением К.Маркса Сергей Леонидович вступил в деятельное соприкосновение, в творческий диалог. Его отношения с марксизмом нельзя свести к простой «маскировке» подлинных философских идей марксистской фразеологией (к которой прибегал, например, Г.И.Челпанов, на механичность «приноровления» психологии которого «к сезону» с возмущением указывал Л.С.Выгот-ский). И всё же вычитание марксизма из взглядов Рубинштейна даст большую положительную разность.

Онтологические основания психологии, признание в человеке, в психическом самостоятельной сущности (а ведь сущность человека на языке метафизики именуется духом, а сущность психических явлений – душой), самодетерминация (субъектная детерминация) психики – все эти идеи, упорно отстаиваемые учёным в контексте построения марксистской психологии, не являются сугубо марксистскими (необходимыми с точки зрения диамата); эти идеи были необходимы для самого Рубинштейна, а марксизм лишь предоставил свои возможности для их оформления. Нет прямых указаний в текстах на то, что С.Л.Рубинштейн сознательно выступал продолжателем философско-психологических работ Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, Н.О.Лосского, С.Л.Франка – и всё же в каждом рубинштейновском тексте сквозит их живой дух, пусть и облачённый в диалектико-материалистическую форму (так под формой штандартенфюрера Штирлица билось сердце полковника Исаева, чьи профессиональные способности были на виду, а вот направленность – скрыта).

Вспоминая тот период конфликта сложившегося научного мира дореволюционной России с идеологическим диктатом советского государства, на исходе которого взошла звезда С.Л.Рубинштейна как крупного психолога (выход программной статьи «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса»), мы сталкиваемся с целым спектром реализованных людьми науки стилей разрешения конфликтов, которые можно уложить в сетку, подобную предложенной К.У.Томасом и Р.Х.Килменом, – если, конечно, подкорректировать названия шкал. На место «меры стараний по удовлетворению собственных интересов» мы подставим «меру старания в соблюдении достоинства предмета науки», а на место «меры стараний по удовлетворению интересов противоположной стороны» – «меру старания в соотнесении науки с навязываемой ей идеологической линией». Внутренние подразделения сетки Томаса-Килмена при этом сохранятся («активные действия / пассивные действия» и «индивидуальные действия / совместные действия»), сохранятся и пять выделяемых стилей (конкуренции, избегания, компромисса, приспособления, сотрудничества). Применительно к психологии реализация стилей поведения в данном виде мировоззренческого конфликта обрела следующие конкретно-исторические очертания:

1) *соперничество,* полное неприятие марксизма, откровенный конфликт с этой идеологией представителей русской *философской* (метафизической, онтологической) психологии – Н.А.Бердяева, Н.О.Лосского, С.Л.Франка и т.д. (приведшее к насильственной высылке этих учёных за рубеж);

2) *избегание* представителями *естественнонаучной* психологии философско-методологических споров, убеждённость в том, что изначально разрабатываемая концепция и без специальной подгонки соответствует марксистской идеологии, коль скоро в ней и без того дано стихийно материалистическое представление о психике с уничтожающим достоинство психологии креном в физиологизм (рефлексология В.М.Бехтерева);

3) *компромисс,* нейтралитет, внешнее согласие работать в новых условиях в декоративном сотрудничестве с чуждой марксистской наукой при сохранении относительной внутренней свободы, ориентации на сложившуюся модель науки, удалённости от идеологических штампов, характерные для представителей русской *эмпирической* и *феноменологической* психологии – Г.И.Челпанова, Г.Г.Шпета (уязвимая позиция, провоцирующая репрессивные реакции властей и травлю со стороны промарксистски настроенных коллег);

4) *приспособление,* самопредание идеологической стихии марксизма, диалектико-материалистический передел предмета психологии, готовность поспешно выстроить науку любого необходимого идеологии толка вне всякой ориентированности на потребности и логику самой науки (такая позиция, внутренне бесплодная, характерна для «отступников» из числа учеников Г.И.Челпанова – реактолога К.Н.Корнилова и иже с ним, для огораживаемой от прежней традиции молодёжи, пришедшей строить марксистскую науку на расчищенном, голом месте);

5) *сотрудничество,* творческое взаимообогащение идей, рождение истины, полно-

стью (не частично) удовлетворяющей как запросы автора, так и требования коллективного субъекта господствующей идеологии – самый трудоёмкий путь. Так как С.Л.Рубинштейн не для виду, но по-настоящему интегрировал своё понимание психического в марксизм, он нашёл возможность принять марксистскую линию, не поступившись при этом главным, сохранив человеческое достоинство (как своё, авторское, так и достоинство предмета). Вместо того, чтобы вставать в жёсткую (дезадаптивную) позицию отрицания марксизма, определяющего всю внешнюю ситуацию, – учёный вступает в диалог с превосходящей силой, но это диалог не в плане торга внешними уступками с выговариванием внешних выгод, и не в плане разрушительной для личности творца безоговорочной капитуляции (адаптация ценой творческого небытия), диалог внутренний, сущностный (не случайно основным предметом такого диалога у С.Л.Рубинштейна выступает сущность человека).

Творческая самодетерминация С.Л.Рубинштейна и внешняя детерминация условиями научной работы – суть не только слагаемые жизненного примера фильтрации внутренними условиями внешних воздействий, это пример подлинной реализации человеческого бытия (способа существования) в профессии, поскольку «специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и действия» («Человек и мир» [*15*, 261]). Любопытно, что сам акт написания текста, цитата из которого приведена выше, оказывается жизненной иллюстрацией к его содержанию.

Овладение мерой самодетерминации и детерминации другим обнаруживается во всём жизненном и творческом пути С.Л.Рубинштейна. Самодетерминация угадывается в преемственности идей, детерминация другим – в вынужденной смене направления работ, проблематики, в смене научной области самореализации. Три периода творчества учёного (ранний философский – психологический – поздний философский), выделяемые в связи с теми возможностями творческой самореализации, которые были предоставлены в конкретной социальной ситуации, представляют ряд внешней детерминации творческого пути, зависимости его от обстоятельств времени и пространства. Обозначенные К.А.Абульхановой-Славской единые закономерности, связывающие эти периоды воедино (в которых выразилось утверждение принципа субъекта – на каждом из охватываемых уровней). Нравственный философ по призванию, вынужденный профессионально заниматься психологией, С.Л.Рубинштейн обращался к проекциям волновавших его проблем на уровень психического. Вынужденный по внешним причинам изменять уровни рассмотрения сущего, он в своей научной деятельности вместо дезориентации обретал в преодолении трудностей опыт чёткой ориентировки относительно самих уровней существования изучаемого. Он менял траектории в соответствии с меняющимся рельефом местности, но шёл туда же, куда отправился изначально.

Переходя к более подробному обозрению того уровня преемственности методологических взглядов С.Л.Рубинштейна, который согласован с идеологией марксизма, заметим, что хотя идеологизация психологической науки – явление безусловно деструктивное, всё же отказывать ей во внимательном рассмотрении не стоит – уже потому, что это не частное явление научной жизни в отдельно взятой стране, а явление глобальное, захлестнувшее мировую науку. Если в СССР и социалистических странах той идеологией, которая утвердила невозможность методологического плюрализма, был марксизм-ленинизм, то демократический запад в те же годы пребывал в плену другой не менее тоталитарной в отношении гуманитарных наук идеологии – позитивизма. Как раз идеологизация западной академической науки стала причиной антагонизма двух её ветвей – *экспериментальной* (по сути своей позитивистской, ригидно ориентированной на естественнонаучные каноны науки) и *клинически-ориентированной* (более гибкой и свободной в философско-методологическом отношении). Характерно и то, что различия между *марксистской* и *позитивистской* идеологией более декларативны, чем сущностны, они не столь велики, как *совпадения* – проявляющиеся главным образом в *отрицании метафизики* и редукции *сущности* человека к его *социальности*. Позитивизм, как и марксизм – и даже более последовательно, – предлагает в качестве модели психологической науки «психологию без души», науку об явлениях, не имеющих сущности внутри себя, а заимствующих её из внешних, «объективных» источников. Именно поэтому сегодня официальная советская психологическая наука (по отшелушивании в её текстах обязательных хвалебных пассажей в адрес последнего съезда КПСС) оказывается в одной плоскости с академической западной психологией, чем и создаёт напрасное эйфорическое впечатление, будто былая идеологизация ей не так уж сильно и повредила.

Надо заметить, что С.Л.Рубинштейн, в отличие от таких его современников, находя-

щихся в близкой «весовой категории», как Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев, не столь легко поддаётся вписыванию задним числом в контекст позитивистской науки. Есть трудности чёткой квалификации его научных текстов согласно идеологически нагруженным категориям (промарксистские – антимарксистские, наши – не наши). При жизни Сергею Леонидовичу пришлось пережить обвинение в недостаточно марксистском образе мыслей (в «безродном космополитизме») – и основания для него были, хотя и не те, что были наспех сформулированы гонителями. Для нашей современности (когда прежняя идеология пала, а западные позитивистские каноны научности остались в силе) он, по-прежнему, слишком не по-марксистски метафизичен (онтологичен) в вопросах, в решении которых обе идеологии совпадают (производность индивидуального сознания от социального целого), – и напротив, слишком интегрирован в диалектический материализм – и этим вновь подозрителен – в чуждых позитивизму планах (роль практики в развитии человека).

А.В.Брушлинский понимает рубинштейновский деятельностный (личностный) подход в психологии как «конкретизацию всеобщего принципа социальности человека и его психики» [*3*, 73]. Указывая на то, что социальность человеческого сознания по-разному акцентировалась двумя традициями – идущей от Э.Дюркгейма (где социальность понимается узко, в плане коллективных представлений) и от К.Маркса (в которой в социальность включалась не только общественная идеология, но также отношение человека к природе, к материальному объективному миру, воздействие на него – ведь общественные отношения есть прежде всего производственными отношениями в процессе воздействия на природу, преобразования общества), он обнаруживает в советской психологии два основных подхода: *деятельностный* и *не-деятельностный*. К деятельностному подходу (восходящему к К.Марксу, раскрывающему роль деятельности в формировании человека) он относит научное творчество С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леоньева, к не-деятельностному (признающему главной производящей человека причиной знак, речь, символ, а не деятельность саму по себе) – Л.С.Выготского.

По нашему мнению, близость взглядов А.Н.Леонтьева к рубинштейновским, как и удалённость их от взглядов Л.С.Выготского, является чисто внешней, номинальной, не сущностной. По сути своей леонтьевская трансформация деятельностного подхода, связанная с вынесением за скобки субъекта деятельности, есть следствием прививки к исходной редакции подхода идеи интериоризации. Самодовлеющая структура деятельности, вынесенная вовне субъекта и приводящая к развитию его сознания через формирование «внутреннего плана деятельности» даёт недвусмысленное преимущество социализации (*детерминации другим*) над внутренней детерминацией психики человека; сущность психического при этом рассматривается как привносимая извне. В исходной же редакции деятельностного подхода шла речь о деятельной самодетерминации человека, о субъекте, наделённом собственной сущностью, развивающейся в контакте с миром. В соотнесении научных позиций Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна мы склонны согласиться с выводом не А.В.Брушлинского, а В.А.Татенко: «Представляется, что Л.С.Выготский основной акцент сделал на выяснении зависимости психики от влияния социального окружения, от характера социальной ситуации развития. В его концепции обосновывалась идея единства, внутренней связи, уникального «тождества», совпадения, «встречи» социального и психического в человеке. Значение теории развития А.Н.Леонтьева состояло в попытке обоснования социальной природы человеческой психики. С.Л.Рубинштейн рассматривал психику человека больше в аспекте логики её саморазвёртывания. Признавая значение взаимодействия человека с обществом для развития его психики, он акцентировал основное внимание на нетождественности внутреннего и внешнего, на зависимости структуры и функций психического от собственной – субъектной активности индивида» [*16*, 180].

Место методологических взглядов С.Л.Рубинштейна в контексте развития традиций психологии, принадлежащих к уровню марксистской и позитивистской идеологии, обозначено в схеме (рис 1).

Обратимся к тому сложившемуся целому философской методологии советской психологии, в которую внёс свой вклад С.Л.Рубинштейн.

Наиболее полный и интегрированный характер имеет система методологических принципов советской психологической науки, предложенная А.Н.Ткаченко [*17*], которая не потеряла актуальности и сейчас, в период соотнесения былых её достижений с логикой позитивистских академических традиций (она взята за основу и в лучших современных учебниках «консервативной» структуры [*9*], где не предлагается радикальных обновлений характера презентируемого содержания науки, но при этом полностью опущен его марксистский идеологический контекст). Согласно А.Н.Ткаченко, субъект (человек) взаимодействует с объектом (действительностью) на трёх

основных уровнях: *организма*, *индивида*, *личности* – каковые уровни ставятся во главу угла при истолковании методологических принципов: *детерминизма*, *отражения*, *единства психики и деятельности*, *развития*, *системно-структурного*.

Принцип детерминизма был предложен С.Л.Рубинштейном в формулировке «*внешнее через внутреннее*» (внешние причины воздействуют на человека, лишь преломляясь через внутренние условия).

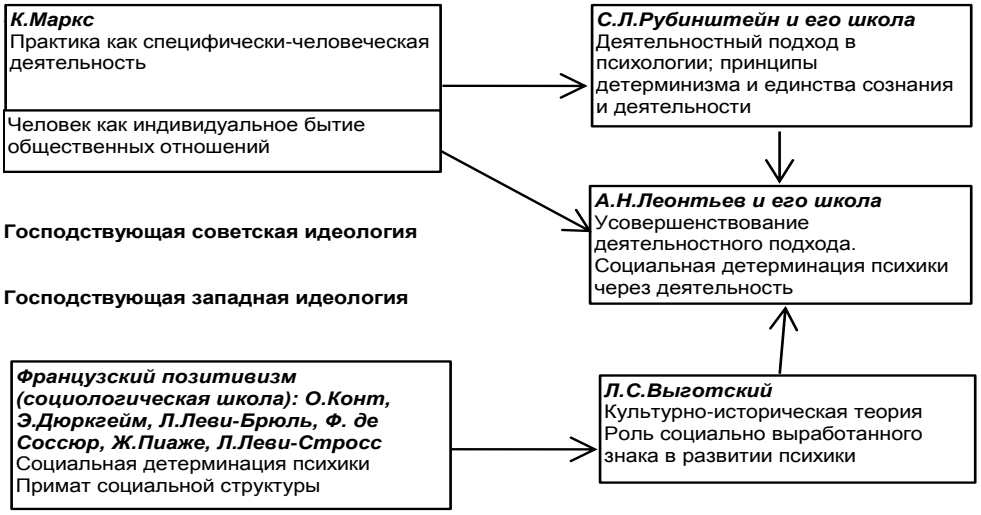

Рис. 1. Психологические традиции уровня марксистской и позитивистской идеологии

А.Н.Леонтьев его переформулировал как «*внутреннее через внешнее*» (внутреннее, субъект, действует через внешнее, и тем себя изменяет); А.Н.Ткаченко принял обе формулировки, заключив их в своего рода диалектическое единство. В формулировке Рубинштейна главное то, что за внутренним, субъектом, признаётся власть самодетерминации, самопричинения; внутреннее корректирует внешние влияния, а значит, оно не полностью зависит от внешнего, оно имеет собственную сущность, развивается по собственной логике; сам принцип был необходим, дабы указать на иной тип детерминации в гуманитарном знании сравнительно со знанием естественнонаучным, где детерминизм линеен. В леонтьевской формулировке важным оказывается уже не то, что внутреннее (субъект) действует, а то, что – через внешнее; здесь отчётливо просматривается связь с культурно-исторической концепцией Выготского (деятельность служит интериоризации социально выработанных способов деятельности, социализации личности, социально детерминированному формированию содержания личности как слепка с общества). А.Н.Ткаченко также не акцентирует момент самодетерминации субъекта (как чисто *психической* детерминации): у него действует *биопсихическая* детерминация (на уровне организма, коему свойственен реактивный характер организации поведения); *социопсихическая* (на уровне индивида – субъекта общественных отношений в процессе освоения готового социального опыта); *особый подуровень социопсихической* (на уровне личности, достигшей способности к творчеству нового социального опыта и себя). В результате пострубинштейновских трансформаций данного принципа во главу угла при его истолковании ставится гносеологическая схема «S – O», отделяющая человека от мира непроходимой пропастью: психика субъекта детерминируется процессом и результатом актуального и постактуального взаимодействия субъекта и объекта.

Принцип отражения (исходящий из ленинской теории отражения), Рубинштейном никогда специально не отрицался, однако в неявной форме он признавал его ограниченность (коль скоро человек сам имеет бытие, а не просто отражает в сознании бытие внешнего мира). Соглашаясь, что психика отражает объективную реальность, существующую независимо от неё, Рубинштейн уточняет, что «было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало бы в действительности. Всякий психический факт – это

и кусок реальной действительности и отражение действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением – *единством реального и идеального*» [*13*, 10-11]. Идеальное выражается в *знании* (относящемся к внешнему миру), реальное – в *переживании* (специфическом проявлении самой жизни индивида), и переживание выступает как первичное [*13*, 11] по отношению к знанию-отражению.

Согласно принципу отражения (взятому помимо рубинштейновских поправок), все *психические функции по своей природе являются отражательными*, психическое отражение имеет сигнальный характер (оповещает субъекта о значимых для него объектах при помощи нейтральных раздражителей); никакого внутреннего (сущностного) единства в такой отражательной системе не предусмотрено; последовательное применение этого принципа ведёт к функционализму (направлению, рассматривающему психику-сознание как средство адаптации к меняющимся условиям среды). Этот принцип А.Н.Ткаченко также подвергает рассмотрению на разных уровнях субъекта. На уровне организма психическое отражение обеспечивает *жизнедеятельность* субъекта, на уровне индивида – *присвоение социального опыта*, на уровне личности – *творчество социально значимых продуктов*. Чего-то значимого не «биологически» или «социально», а просто «индивидуально-психически» психическое отражение не даёт, ибо отражает оно всякий раз нечто внешнее субъекту.

Принцип единства психики и деятельности (принадлежит он Рубинштейну, но у Рубинштейна речь шла не о «психике», а о «сознании»). Согласно этому принципу марксистской психологии *психика* (отождествляемая с сознанием, как и в старой традиции эмпирической психологии В.Вундта, Э.Титченера и др.) представляет собой *внутренний план деятельности* (*жизнедеятельности*, *освоения социального опыта*, его *производства* – соответственно ткаченковским уровням субъекта). Этот внутренний план – интериоризированный внешний.

У С.Л.Рубинштейна принцип *единства сознания и деятельности* не сводится к тому, что сознание выступает внутренним планом деятельности, повторяет её внутри субъекта (идея интериоризации); он принципиально *отличает* сознание от деятельности. Единство их – это *не тождество*. Это единство происходит из принадлежности как сознания, так и деятельности субъекту. С.Л.Рубинштейн, как подчёркивает (в том числе и в буквальном смысле) К.А.Абульханова-Славская, «владел *пониманием субъекта как основания связи сознания и деятельности»* [*2*, 31]. Личность (как субъект жизни, как внутренне обоснованное единство психических явлений) при помощи сознания регулирует свою деятельность. «Личность становится основанием связи сознания и деятельности, в личности и личностью эта связь реализуется и замыкается. Связь сознания и деятельности оказывается личностно опосредованной» [*2*, 34]. Это *личностное опосредование связи сознания и деятельности* преодолевает функционализм (в том числе и тот его рецидив, что воплотился в учение Л.С.Выготского о развитии высших психических *функций*). Психические процессы, по Рубинштейну, не имеют самостоятельных линий развития, а развиваются в процессе развития личности. Если у Выготского высшие психические функции формируются по принципу *интериоризации внешних структур*, то у Рубинштейна сознание образуется как *овладение человеком отношениями с миром* посредством своих действий.

Разумеется, и личность Рубинштейном понимается иначе, чем в традиции, восходящей к Леонтьеву и Выготскому. «Вершинное» понимание личности, характерное для системно-структурной её концепции школы Леонтьева, исходит из определения личности не просто «сверху», но и «извне»: из общества (личность как *общественное в индивиде*, как *совокупность личностных смыслов*, образующихся в деятельном присвоении социально выработанных значений). Рубинштейн определяет личность «изнутри»: чего человек *хочет* (направленность); что он *может* (способности), что он *есть* (характер). Именно человек, определённый изнутри, а не как калька с общественных феноменов, может определять себя через деятельность, а не просто через неё определяться. На рис. 2 нами обозначено различие между Леонтьевым и Рубинштейном в понимании связей между категориями «личность», «сознание», «деятельность».

Рис. 2. Связь категорий «личность», «сознание» и «деятельность» у С.Л.Рубинштейна (А) и А.Н.Леонтьева (Б)

Как мы видим, у Рубинштейна исходной, связующей и опосредующей прочие категории выступает субъект (личность), а у Леонтьева на его (её) место подставлена деятельность; личностное опосредование связи деятельности и сознания заменено деятельностным опосредованием развития сознания и личности. У Рубинштейна личности как субъекту принадлежит и сознание (как логика активного познавания), и деятельность (как логика активного действования, преобразования, и логика созерцания (внутреннего отношения к миру) – при том что с тех пор, как Марксом была заклеймена бездеятельная созерцательность материализма Л.Фейербаха, всякое упоминание об этом отношении в советской психологии звучало крамольно. У Леонтьева и сознание, и личность принадлежат деятельности; о созерцании же и речи идти не может, ибо оно суть отношение внутреннее, и при этом не деятельное (всё же психическое есть деятельное и непременно исходно внешнее).

Принцип развития в диалектико-материалистическом истолковании, последовательно раскрытом А.Н.Ткаченко, таков: каждому уровню детерминации соответствует свой тип развития (как организм субъект развивается в процессе созревания психофизиологических своих подструктур, как индивид – в процессе деятельного присвоения, как личность – в процессе преобразующей деятельности). Вместе с тем подразумевается, что организм, индивида и личность также связывает между собой некая линия развития – как три последовательные качественные стадии. Это развитие не напоминает саморазвёртывание психической сущности, оно оказывается эпифеноменом развития биологической и социальной систем.

Системно-структурный принцип (последний в перечне, предлагаемом Ткаченко) берёт психику как систему взаимосвязанных элементов; особый акцент делается на открытость системы: взаимодействие с биологической системой (на уровне организма); с социальной системой (на уровне индивида); с культурно-историческими ценностями общества и предметного мира (на уровне личности). Применение данного принципа в советской психологии имеет ряд особенностей, следующих из некоей позитивистской установки на первичность социальной системы по отношению к индивидуальной психике. Говоря о системном подходе, подразумевают и ряд положений, которые из свойств системы как таковой с необходимостью не следуют, а следуют из идеи Л.С.Выготского о «динамических смысловых системах» (где «системное» в то же время предстаёт как «социальное»), которая, в свою очередь, близка идеям французского структурализма, начиная с первого структурного лингвиста и семиолога – Ф. де Соссюра.

По Соссюру, системными свойствами обладает не диахроническое, а только синхроническое – одновременно существующее в коллективном сознании. Ценность любого элемента семиологической системы (знака) определяется исключительно его положением в структуре системы, она есть производной от системы. Без системы (а всякая семиологическая система, будь то язык, миф или какая иная система знаков, привязана к социуму) отдельно взятый элемент ничего не значит; он не имеет внутренней сущности, ибо значение совершенно произвольно придаётся ему той целостной системой, в которую он в данный момент включён. Знак конвенциален, неким коллективным соглашением ему назначено нечто означать, но сущностной связи с означаемым он не имеет, он случайно означает именно это.

По-видимому, Л.С.Выготский, в исходном фокусе научных интересов которого находилась *речь*, через структурную лингвистику соприкоснулся с её методологией – позитивизмом, близким марксизму в его неприятии метафизики. С именем Выготского связана та

прививка позитивизма к марксизму (подхваченная А.Н.Леонтьевым и позже заботливо взлелеянная его школой – А.Г.Асмоловым, Б.С.Братусем, Е.Е.Насиновской, Д.А.Леонтьевым), которая не могла быть принята С.Л.Рубинштейном, старавшимся развернуть марксистские догматы в прямо противоположном направлении. В самом деле, для Рубинштейна, потратившего много сил, чтобы именно диалектико-материалистически обосновать присутствие в человеке души (внутреннего единства, источника активности, центра психической детерминации) не мог быть близок тот возобладавший подход, согласно которому всё сознание и вся личность человека без остатка конвенциальна и происходит от простого (пусть и деятельного) приобщения к актуальной социальной системе, наделяющей её совершенно произвольными (условными, случайными) психическим содержанием и структурой.

Там, где для бессубъектного деятельностного подхода шла речь о деятельностно опосредованной социализации личности, Рубинштейн говорил о препятствующих ей «внутренних условиях», принципу социализации он, как и Б.Г.Ананьев и Б.Ф.Ломов, по сути противопоставлял индивидуализацию, а процесс воспитания человека представлял более сложным, чем трансляцию социального богатства внутрь индивида. В приводимом К.А.Абульхановой-Славской фрагменте рукописи 20-х гг. С.Л.Рубинштейн пишет: «Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через моё воздействие на него, преодолевающее его отчуждённость, негативную независимость при всех отношениях данности, вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая в условиях его существования и в нём самом то, что искажает его человеческую сущность, таким образом утверждать его бытие. Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает её через меня (и в какой-то мере я – через него» [*2*, 19].

Способы действования субъектов психологической науки часто соотносятся с отстаиваемыми ими принципами (обратное было бы даже странным). Пока С.Л.Рубинштейн участвовал в совершенствовании марксистской методологии, пытаясь соблюдать меру самоопределения и определения другим, его сотрудники по обустройству советской психологии («интериоризировавшие интериоризацию») корректировали его вклад, ориентируясь как на эталон не на индивидуально-психическую, а на социальную действительность. Подобно течению реки, относящему пловца от цели путешествия, социальная стихия советской науки, принимая (и высоко оценивая) формальные результаты методологических изысканий Рубинштейна, подменяла их содержание и вводила такие поправки в предлагаемые им формулировки, которые сводили на нет его немарксистские сверхзадачи. С именем учёного оказывались номинально связаны такие идеи, которые не соответствовали его образу мыслей – отчего его ученикам (уже в перестроечную пору) пришлось провести специальную реконструкцию для экспликации подлинных его философско-психологических взглядов.

Обратимся теперь к роли С.Л.Рубинштейна в развитии традиций другого, скрытого, изначально альтернативного предыдущему уровня, к той роли, которая при его жизни была малоизвестна или малопонятна. Этот второй уровень методологического самопроявления учёного имеет, во-первых, *онтологическую*, во-вторых, *субъектную* ориентацию. Специально следует заметить, что «субъектное» и «онтологическое» – это понятия сами по себе разноуровневые; их объединение в один уровень оправдано лишь тем, что подлинная субъектность нуждается в онтологическом обосновании; а посему представители субъектного подхода, не обязательно вторгаясь в сферу онтологического, всё же интуитивно нащупывают эту более глубинную почву у себя под ногами. Гносеологизм приводит к деградации субъектности в субъективность, предстающую неодолимой «необъективностью», неадекватностью познания и объективным несуществованием самого познающего (а формула «S – O» всё равно останется гносеологической, к какому виду деятельности её ни прикладывай). Человек-субъект тогда лишь может рассчитывать на подлинную (познавательную, преобразующую, созерцательную) встречу с объективным миром, когда и он и мир имеют статус самостоятельных сущих.

Предшественники С.Л.Рубинштейна по онтологической ориентации психологии могли преодолевать гносеологизм откровенно спиритуалистически, не сообразуясь ни с диалектико-материалистической идеологией, ни с позитивистской. Наиболее последовательно онтологическое обоснование теории познания проведено в работах Н.О.Лосского и С.Л.Франка. С.Л.Франк замечает, что если «не впасть в наивный гносеологический дуализм, ... то ... субъективный мир мы должны будем признать не «идеей», не «отображением» объективной вселенной как другой, замкнутой в себе реальности, а особым родом бытия самой же объективной вселенной» [*18*, 577]; «поскольку мы берем индивидуальное сознание лишь как предметное сознание, связь между объективной и субъективной стороной

душевной жизни остаётся чисто внешним соприкосновением ... антагонистических начал. Субъективная сторона этого единства – сама стихия душевной жизни, как и её формирующие целестремительные силы и центры – оказывается здесь лишь моментом ограничивающим, ослабляющим и искажающим надындивидуальное начало объективного бытия и знания. Существует, однако, более глубокое единство этих двух сторон ... Это единство называется духовной жизнью» [*18*, 579].

Рубинштейн не имел той свободы самопроявления в науке, которая была у его досоветских предшественников, он не мог открытым текстом вводить в официальную науку метафизически нагруженные категории, посему он в своих работах всегда последовательно «субъектен», но не всегда «онтологичен». Онтологические идеи его формируются в 20-е годы, вызревают непроявленными на протяжении длительного отрезка конкретно-психологического творчества, и вновь заявляют о себе в последнем, неоконченном труде – «Человек и мир». Здесь даётся опровержение стихийного гносеологизма в психологии: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию» [*15*, 262]. «Само сознание существует лишь как процесс и результат освоения мира человеком. Основная проблема – бытия, сущего и места в нём человека» [*15*, 255].

В официальном марксистском мировоззрении сознание (и вся психика вместе с ним) не признавалось бытием, а лишь его отражением, даже общественное сознание – хлипкой надстройкой над подлинно объективным экономическим базисом, а в официальном перечне форм движения как способа существования материи (отождествляемой с объективной реальностью) специфически психическая форма отсутствовала вообще. С.Л.Рубинштейн в целях конституирования человека как сущего был вынужден пойти на открытую ревизию марксистской терминологии, найдя, что «...целесообразно отделить от понятия движения... понятие способа существования, отличающееся в зависимости от особенностей их субъекта. Выделяя различные способы существования различных типов сущего, мы приходим к анализу философского вопроса о способе существования человека как субъекта сознания и действия» [*15*, 260]. Повторяя важную рубинштейновскую цитату, напомним, что «специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и действия» [*15*, 261]. Так человек освобождался от оков движущейся с ним безликой материи, которую он прежде был способен только отражать и преображать лишь согласно отражённым образцам.

Признание *специфического для человека способа существования* означает в то же время признание *специфически человеческой сущности*, не выводимой из интериоризированных общественных содержаний. Это введение в якобы марксистский текст далёкого от официального марксизма положения затушёвано критикой экзистенциалистских представлений о примате существования над сущностью (кстати, наиболее характерных для атеистического варианта экзистенциализма). К.А.Абульханова-Славская, излагая этот момент учения Рубинштейна, также противопоставляет его экзистенциализму: «Для Рубинштейна онтология – учение о качественном составе бытия и одновременно – о его способе существования. Высказывая своё отношение к экзистенциализму, ... Рубинштейн впервые интегрирует понятие человека и категорию существования. Экзистенциалистское понимание существования как лишённого сущности преодолевается в концепции Рубинштейна, в которой сущность интегрируется с существованием и качественная определённость сущности раскрывается через присущий ей способ существования» [*2*, 54-55]; связь сущности и существования обеспечивает применяемое в марксизме понятие *осуществления*: «Именно осуществление своей сущности, а не абстрактно-пассивная сущность человека и лишённое сущности существование...» [*2*, 55].

«Социальная» сущность личности, определение личности извне, через «общественные отношения», Рубинштейном осторожно корректируется посредством обращения к специфике человеческого способа существования (который является *общественным*, но в то же время состоит в совершенствовании *индивидуального* способа жизнедеятельности). В реальной жизнедеятельности человека воплощена некая мера его существования как человека (мера человечности, мера соответствия человеческой сущности). Контроль над этой мерой принадлежит самому человеку, а не обществу. Разумеется, Рубинштейном и его школой не отрицается социальность личности, но подвергается сомнению первичность и полностью определяющее значение социальности как таковой в становлении личности, индивидуального психического мира: «Связь психического с социальной действительностью через деятельность, как подчёркивается С.Л.Рубинштейном, является производной от соотношения индивида с миром в плане *реального бытия индивида*» [*1*, 101].

«Как сама природа это не только предметный «мир», сделанный руками человека из природного материала, точно так же и человек – это не только производная социальных отношений» [*15*, 344]. О том, является ли понятие «личность» социальной или психологической категорией, С.Л.Рубинштейн оставил в своих текстах, казалось бы, прямо противоположные указания (две линии в его определении личности подмечены К.А.Абульхановой-Славской). В «Бытии и сознании» личность предстаёт именно *общественной* категорией [*12*, 311], но в при этом она определяется и как совокупность *внутренних условий*: «...любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредствованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается» [*12*, 14]. Как же личность оказывается и принадлежащей обществу и противостоящей ему изнутри индивида? Именно целостная личность, а не отдельные психические функции, может соотноситься с социумом, вступать в межчеловеческие отношения (потому она – категория общественная), но в эти отношения личность вступает как внутренне (сущностно) обусловленное единство психических явлений, завершённое в себе, свободное.

Социальное не довлеет над индивидуальным, а складывается из взаимоотношений индивидуальных сущих. Оно не вторгается в человека через его деятельность, а возникает в самой деятельности, в контексте отношения «человек-мир». Это ясно уже из «Основ общей психологии»: «Значение деятельности в том прежде всего и заключается, что в ней и через неё устанавливается действенная связь между человеком и миром, благодаря которой бытие выступает как реальное единство и взаимопроникновение субъекта и объекта» [*13*, 436]; «...всё то, что делает человек, опосредовано его отношением к другим людям и потому насыщено общественным человеческим содержанием. В связи с этим дела, которые делает человек, обычно перерастают его, поскольку они являются общественными делами. Но вместе с тем и человек перерастает своё дело, поскольку его сознание является общественным сознанием. Оно определяется не только отношением человека к продуктам его собственной деятельности, оно формируется отношением ко всем областям исторически развивающейся человеческой практики, человеческой культуры. Через посредство объективных продуктов своего труда и творчества человек становится человеком, поскольку через продукцию своего труда, через всё то, что он делает, человек всегда соотносится с человеком» [*13*, 643]. Социум играет свою роль в становлении человека, поскольку оказывается пространством встречи и соотнесения объективирующихся носителей человеческой сущности, но никак не предстаёт фабрикой по «очеловечиванию», наделению человеческой сущностью лишённых её индивидов. Социальность принадлежит к человеческой сущности, но не человеческая сущность принадлежит социальности.

Надо заметить, что становление человека происходит не только в преобразующей деятельности; *действенное* отношение человека к миру (с которым в марксизме прежде всего и связывается человеческая социальность) не единственное: С.Л.Рубинштейн выделяет также *познавательное* и *созерцательное* (обнаруживающее ценность мира для человека, значимость чего-то в мире для его бытия). Последнее отношение, выражая саму сущность человека «изнутри», относится как раз к мере её проявления в жизнедеятельности, к мере бытия (как собственного, так и другого сущего). В свете созерцания бытие «приобретает «смысл», выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его» («Человек и мир» [*15*, 330]). Ценность для С.Л.Рубинштейна есть производная от соотношения мира и человека «значимость для человека чего-то в мире» [*15*, 369]; «переоценка ценностей является закономерным результатом диалектики жизни человека, изменения, перестройки его взаимоотношения с миром... Конкретный анализ конкретной ситуации обнаруживает динамику вступления в строй, включения и восстановления различных ценностей. Однако не только в связи с конкретной ситуацией, а в связи с восхождением, развитием, становлением всей личной жизни человека может быть понята история актуализации одних ценностей и низвержения других» [*15*, 370]. По мере обретения жизненного опыта происходит «процесс переосмысливания жизни», образующий основное содержание существа человека [*13*, 640]. Так понимаемые ценности и смыслы, изменяющиеся по внутренним законам становления человека, в принципе не могут заимствоваться из социума и могут выступать надёжной основой самоопределения личности. Противоположный взгляд на личностные смыслы и ценности как на присвоенные общественные доминирует в психологической науке по сей день: по Д.А.Леонтьеву, например, двумя сторонами становления личностных ценностей есть интериоризация (движение от социальных ценностей к личностным) и социализация (движение от структуры индивидуальной мотивации, основанной на потребностях к структуре, в которой главенствуют ценности); такой

взгляд, однако, лишает личность возможности подлинной самодетерминации.

Среди последователей С.Л.Рубинштейна, разрабатывающих методологические идеи, связанные с субъектной детерминацией психики и с онтологической ориентацией психологии, можно выделить две линии – московскую и киевскую. Первая линия (лидеров которой – К.А.Абульханову-Славскую, А.В.Брушлинского связывали отношения непосредственного ученичества с самим С.Л.Рубинштейном) сосредоточила свои усилия прежде всего на реконструкции и дальнейшем развитии субъектного подхода; вторая линия (бесспорным лидером которой следует признать В.А.Роменца) развивала как субъектные, так и онтологические идеи.

К.А.Абульхановой-Славской категория субъекта разрабатывается в плоскости жизнедеятельности индивида, его деятельной активности. Субъектная *активность*, в отличие от деятельности, направлена не на предмет, а на саму деятельность, придавая ей личностную значимость. Именно благодаря активности личность не попадает в полную зависимость от социальных требований, сопровождающих деятельность, коль скоро она (деятельность) является общественно-значимой. Через активность в реальной *жизнедеятельности* реализуется отстаиваемое ещё С.Л.Рубинштейном «овладение мерой самоопределения и определения другим» (как специфика человеческого способа существования). Соотносясь с обществом в своей жизнедеятельности, индивид как субъект активности восходит от вынужденной реализации социальной всеобщности сущности человека к особенному проявлению своей индивидуальной сущности; сама «жизнедеятельность индивида – это необходимость (всеобщность) его связей с другими индивидами и его (особенное) отношение к общественной сущности человека в её предметном выражении» [*1*, 167]. В жизнедеятельность индивида необходимо включена его психическая деятельность, высшим уровнем которой становится субъектный: «Индивид является субъектом психической деятельности в том смысле, что он благодаря психике изменяет объективные условия своей деятельности» [*1*, 261].

А.В.Брушлинский понимает человека как субъекта в качестве целостной системы, интегрирующей психические процессы, свойства, состояния; субъектом человек *становится* в ходе жизнедеятельности, реализуя свою изначально присущую активность в процессах деятельности и общения.

Киевское крыло последователей С.Л.Рубинштейна интегрируется в единое целое через отношение к *поступковой концепции* В.А.Роменца, а также к личности её автора (все представители этого крыла являются его непосредственными учениками).

Поступковая концепция В.А.Роменца, родившаяся в контексте историко-психологических изысканий, но с самого начала имеющая общепсихологическое значение, отталкивается от идей С.Л.Рубинштейна, изложенных в «Основах общей психологии». Здесь соподчиняются понятия *действия* и *поступка*, трактуемые как единицы *деятельности* и *поведения* соответственно.

Поведение человека как *по-ведение* (во всём объёме этого понятия, характерном для русского языка, а не как перевод более узкого английского термина «behavior»), «заключает в себе в качестве определяющего момента отношение к моральным нормам. Самым существенным в нём является общественное, идеологическое, моральное содержание. «Единицей» поведения является поступок, как «единицей» деятельности вообще – действие. Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали» [*13*, 437-438]. По Рубинштейну, *действие* «становится *поступком* по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т.е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие... Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание» [*13*, 23]. «*Поступок* – это *действие*, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как *общественный акт*, как проявление субъекта, которое выражает *отношение* человека к другим людям» [*13*, 445]. Поступок у С.Л.Рубинштейна предстал и *высшей формой действия*, и *действием под определённым углом рассмотрения*.

Действию С.Л.Рубинштейн придаёт значение единицы анализа психического, той «клеточки», или «ячейки» психологии, в которой «заключены основные моменты психики в их реальных взаимосвязях, обусловленных конкретными материальными обстоятельствами и взаимоотношениями индивида с окружающим его миром» [*13*, 445]. В.А.Роменец в качестве такой «ячейки» применяет *поступок* (но не в исходной рубинштейновской трактовке, а без подчёркивания социального характера и ограничения отношением к моральным нормам общества, с упором на сущность человека как более широкую, чем его социальность). Развернув структуру поступка, В.А.Роменец использовал элементы, упоми-

навшиеся С.Л.Рубинштейном, но возвёл их к новому единству. В *логическую структуру поступка* вошли *ситуация* (совокупность внутренних и внешних условий поступка), *мотивация* (внутренние движущие силы поступка), *действие* (конкретная реализация поступка) и *последействие* (рефлексия над действием, воплощающаяся в следующее действие).

Поступок, в отличие от действия как рядового акта жизнедеятельности, предстал как соотносимый не с актуальной жизнедеятельностью, но с *сущностным пластом психического*, – и с тем главным, что определяет меру проявления в жизнедеятельности бытия. Он стал живым, самовозобновляющимся аналогом самодетерминации психического, совершающим свой сущностно заданный круг как самой психике, так и в истории психологии (каждая эпоха которой делала логически последовательный акцент на некоторый из его компонентов). Все психические феномены (как проявления единой психической сущности) имеют определённый поступковый смысл и подлежат поступковому рассмотрению (такое рассмотрение осуществлено в «Основах психологии» [*7*] – учебнике нового типа, ставшем таким же новым словом в изложении психологической дисциплины, как в своё время «Основы психологии» Рубинштейна).

Содержательным результатом последовательного рассмотрения поступкового цикла, своего рода его поступковым последействием, стала идея «канонической психологии», к которой В.А.Роменец пришёл в последних своих произведениях. Канон, прилагаемый к психическим явлениям, выражает то, какими они должны быть (исходя из их сущности). *Логической структурой психологического канона*, приложимого к логике развития любого психического феномена, есть «общее (эмпирическое) – индивидуальное (неповторимое, оригинальное) – всеобщее (субстанциальное, атрибутивное)» [*11*, 843]. Идея канона предполагает *синтез индивидуального и всеобщего*, движение человека от поверхностной эмпирической встречи с миром через индивидуализм, неповторимость, творческую оригиеальность ко всеобщему духовному богатству, в котором взаимодействуют и обогащаются индивидуальности.

Свою редакцию *субъектного подхода* дал ученик В.А.Роменца – В.А.Татенко, акцентировавший «онтологизацию» категории *субъекта*, понимаемую как извлечение её из жёсткой гносеологической связки с объектом. *Субъектность* поставлена в центр категориального пространства «Человек», где она опосредует связь универсальности и индивидуальности, индивидности и личности [*16*, 234]. По В.А.Татенко, психика может быть подразделена на *субъектное ядро* и *периферию* (в этом подразделении, однако, можно усмотреть неявное присутствие субъект-объектного отношения, перенесённого внутрь самой психики, ведь ядру, составляющему «субстанциальную ... основу активности человека как субъекта психики» [*16*, 251], противостоит периферия, которую составляет «всё то, что может выступать объектом и предметом, целью и ценностью для индивида ... условием, средством и материалом саморазвития самого субъекта психической активности» [*16*, 249]). Метафорой психики здесь предстаёт своего рода одноклеточный организм, происхождение и воспроизводство которого ядерно обусловлены.

Анализ ядра позволил В.А.Татенко выделить его составляющие – *субстанциальные интуиции субъектного ядра (экзистенциальную, интенциальную, потенциальную, виртуальную, актуальную, рефлексивную, экспириентальную)*, – которые в строгой последовательности развёртываются и свёртываются в онтогенезе человека, неся в себе «сущностный код» онтогенетических самопревращений индивида в направлении достижения им подлинно человеческого бытия в мире» [*16*, 251].

Из киевских продолжателей рубинштейновской линии наибольшую подробность и последовательность в разработке и утверждении онтологически-ориентированной модели психологической науки проявила И.П.Маноха. Не отклоняясь в объяснительных моделях *онтологически-содержательных психических явлений* (т.е. тех, которые выражают сущностные характеристики сущего) к плоскости жизнедеятельности субъекта, она показала возможность исходить из базовой категории *сущего* (главной категории онтологии) в конкретно-научных исследованиях. Ею был создан метод теоретизации онтологически-содержательных психических явлений – «*онтологическое моделирование*», позволяющий на всех (и на конкретно-психологическом в частности) уровнях синтетического исследования не упускать из виду онтологическую природу явления. С.Л.Рубинштейн подобного метода, доводящего влияние онтологически-ориентированной методологии до конкретного исследования, создать не успел.

Обращаясь к онтологическим основам своего исследования потенциала индивидуального бытия человека, И.П.Маноха опирается на соответствующие идеи С.Л.Рубинштейна (из работ «Принцип творческой самодеятельности», «Человек и мир»), практически не востребованные советской

наукой, так как их не покрывала защитная маска марксистски мыслящего философа.

В этих до- и пост-марксистских изысканиях С.Л.Рубинштейн содержательно встречался с древней онтологической традицией философствования, и эта встреча требовала особого категориального пространства (абриса онтологии), инородного диалектико-материалистическому. Когда С.Л.Рубинштейн пишет о сознательной и деятельной сущности человека, о том, что субъект «в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создаётся и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определить то, что он есть...» [*14*, 193], это ещё может быть понято как усиление роли материальной практики, как констатацию роли вещной объективации человека в продуктах труда (столь клеймимую идеалистом Н.А.Бердяевым); но когда, например, он пишет: «Раскрытие бытия в становлении – это вопрос о неизменности, сохранности сущности сущего в его изменении (о субстанциальности изменяющегося), о его пребывании, о его сущности, о субстанции» [*15*, 264], – он наверняка имеет в виду не материальную субстанцию.

Требование *многомерного и многоуровневого познания сущности явлений*, указание на *единство* данного *единичного существования* при всём многообразии его определений, признание *сущности* явления *внутренней основой* всех его *изменений*, понимание *познания* в контексте *отношения сущих с различными способами существования*, трактовка «*мира*» как *совокупности вещей и людей, взаимоотносящейся через человеческую сущность*[1], взгляд на *явления* как на *обнаружения сущего*, – все эти моменты рубинштейновской онтологии были не просто восприняты И.П.Манохой, но включены в новый синтез. В пространство онтологических идей С.Л.Рубинштейна были органично включены идеи других онтологически мыслящих философов – Николая Кузанского (о *человечности* как «*человеческим образом свёрнутом вселенском целом*»), В.С.Соловьёва (о *душе – сущности индивидуального бытия* как о *пребывающей потенции*), Н.А.Бердяева (о *творчестве* как о создании новой силы *из ничего*), С.Л.Франка (о *самобытии* человека, о *трансцендировании* как *выходе непосредственного самобытия за пределы себя*, о сущей *мочи*).

Сущие, по И.П.Манохе, входят между собой в онтологические отношения: *познавательное*, *преобразующее*, отношения «*человечности*» (к коим принадлежат отношения *духовности*, *моральности*, *творчества*, *сродственности*); в этих отношениях происходит их сущностное взаимопроникновение. Психологическим механизмом реализации данных отношений – представляющим в психологическом контексте онтологический механизм «*взаимопроникновения сущностей взаимодействующих сущих*» – выступает «*психологическое влияние*»: «Если в познавательном отношении «психологическое влияние» ... осуществляется преимущественно как «вбирание» личностью сущности познаваемого предмета, то в преобразующем ... осуществляется как «развёртывание» сущности «я» посредством сущностных преобразований в объекте взаимодействия; однако, реализуя «рефлектирование» – специфический механизм познавательной деятельности – по отношению к себе как субъекту преобразующего отношения, личность, безусловно, осуществляет развитие и собственной сущности, своего «я» [*6*, 84].

В акты «психологического влияния» человек вступает как субъект, его субъектность многомерно – в отношениях с другими сущими – реализует его сущность: «Человеческое бытие, как самостоятельное сущее, пребывает в постоянном взаимодействии с бытием как «все-единым» сущим, ибо именно во взаимном влиянии, воздействии, изменении состоит существование как таковое. Сущность человеческого бытия развёртывается в познавательном и действенном контакте с бытием-сущим. Как многомерно по своему содержанию бытие каждого из взаимодействующих сущих, так многомерны и многоуровневы формы их взаимодействия, таким же многомерным должно быть представление о субъектах реализуемых во взаимодействии отношений. Субъектность в данном случае понимается как пребывающая в состоянии активности, готовности к «взаимному проникновению» в данный момент сущность сущего в той или иной онтологической форме его бытия. Поэтому, когда мы говорим о человеке как ведущем субъекте деятельного (действенного) отношения к миру, то мы предполагаем, что в момент взаимодействия он реализует не только свою биологическую сущность, но и социальную и культурно-историческую сущность; причём реализует эту многосодержательную сущность на различных уровнях своего бытия: бытия как природы, как сущности, как субстанции, как мира, как действительности. В момент взаимодействия то сущее, на которое направлено воздействие человека,

[1] Категория «мир» С.Л.Рубинштейна, которая «является совершенно новой в марксистской традиции», К.А.Абульхановой-Славской, на наш взгляд, напрасно подводится под марксово понятие «второй природы» (ведь данная категория гораздо древнее самой марксистской традиции – она есть уже в античной онтологии).

также находится, пребывает в качестве субъекта – открытой к взаимодействию многомерной самостоятельной сущности. Поэтому в акте «встречи» происходит взаимодействие двух субъектов, двух самостоятельных сущих, устремляющих к взаимопроникновению свои неповторимые сущности; но организует, направляет и совершает этот процесс – ведущий субъект, человек, «непосредственное самобытие» [*6*, 84-85].

Схематическое изображение того положения, которое С.Л.Рубинштейн занял в онтологически- и субъектно-ориентированной традиции отечественной психологии, представлено на рис. 3.

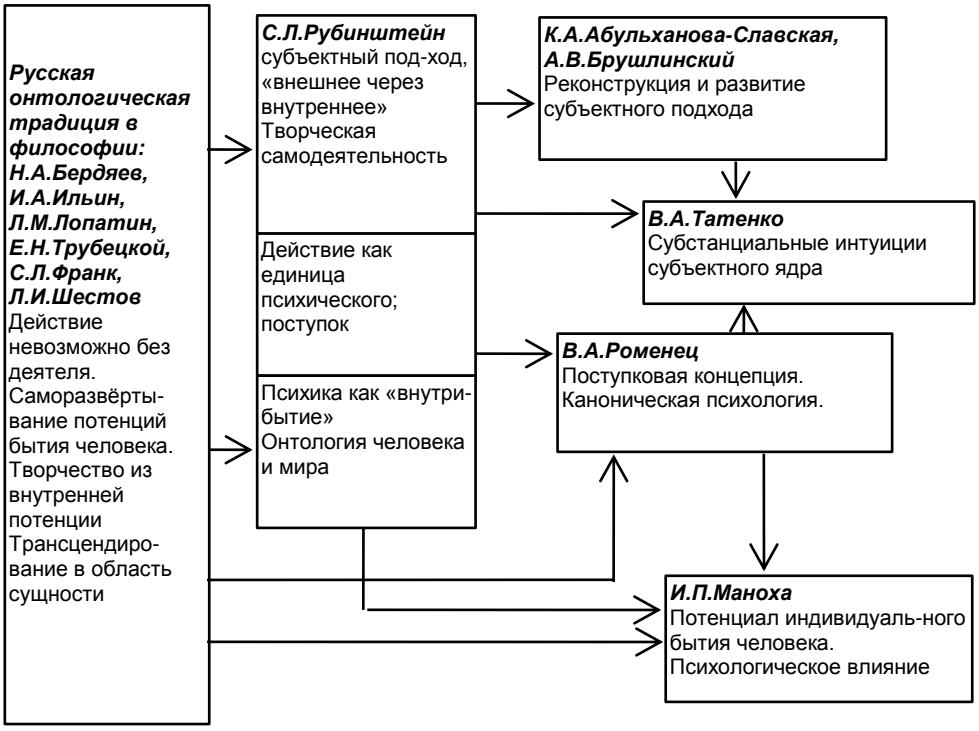

Рис. 3. Уровень онтологически- и субъектно-ориентированных традиций в отечественной психологии

Извращение, которое претерпел методологический вклад С.Л.Рубинштейна в окончательно сложившейся системе принципов марксистской психологии (которое отчасти и он сам спровоцировал, неявно пытаясь достичь целей одного философского направления наличными средствами другого направления, ему противоположного), – объяснимое доминированием внешней конвенциональности над сущностным соприкосновением с его творческим вкладом, преодолевается (восполняется) в субъектно- и онтологически-ориентированной психологии. Перечень принципов построения психологического исследования, наиболее полно и содержательно охватывающий онтологически-ориентированные методологические идеи С.Л.Рубинштейна, даёт И.П.Маноха в «Основах психологии» [*7*, 53-59].

Принцип объективности психологического исследования решает проблему объективного и субъективного в научном познании. Данный принцип утверждает, что *индивидуальный мир «Я» человека* (предмет психологии) существует объективно. Он есть целостным и завершённым в своей сущности, а потому нет надобности объяснять психическое через другие («более объективные») уровни реальности – биологическое или социальное. Психическое предстаёт перед исследователем как объективное явление, содержание которого всегда есть субъективным.

Принцип многомерного и многоуровневого существования предмета психологии указывает на то, что определения сущности предмета психологического исследования могут относиться к разным уровням его существования, но они должны быть сродственными и находиться в определённой иерархии, в зависимости от содержательной иерархии самих уровней существования данного явления. Придерживаться этого принципа особенно

необходимо в синтетических исследованиях на пересечении разных областей науки (например, философии, психологии, социологии и др.).

Принцип исследования психических явлений в их развитии зиждится на понимании индивидуального мира «Я» личности (предмета психологии) как динамического явления, которое постоянно пребывает у состоянии изменения. В отличие от принципа развития в перечне диалектико-материалистических методологических принципов, данный принцип предполагает, что психическое явление развёртывается из собственной сущности, а не есть пассивным объектом решающих для развития воздействий извне – из биологической природы или социума.

Принцип творческой самодеятельности (С.Л.Рубинштейн) требующий признания взаимозависимости бытия мира и человека, создающихся «одним и тем же актом творческой самодеятельности», которым личность включается «в её объемлющее целое» [*14*, 94], указывает на основную движущую силу развития индивидуального мира «Я» человека (предмета психологии) и на содержательное направление динамики психических явлений. И.П.Маноха, реконструировав данный принцип на основе оригинального текста, выделила пять основных положений, составляющих в единстве его содержание:

1) о необходимом включении в *объективное бытие*, представляющее модель «конструктивного целого» (где каждый элемент определяется внутренними взаимосвязями), элемента *творческой конструктивности*;

2) о том, что объективность субъективного психического содержания зависит не от «данности» или «созданности», не от «воспринятости» или «конструированности» этого содержания, а от того, «замыкается ли оно в *завершенное самостоятельное целое*»;

3) о признании акта творческой самодеятельности имеющим в качестве объекта «самостоятельный мир, объективное бытие» и выстраивающим перед субъектом мир в целостности и законченности;

4) о том, что субъект в актах творческой самодеятельности не только обнаруживает и проявляет себя, но и создаётся, определяется;

5) об определении производимой субъектом деятельностью не только завершенности её продукта, но и богатства самого субъекта («чем значительнее деятельность, чем завершённее её продукт, тем богаче субъект») [*6*, 61-62].

Творческая самодеятельность (как путь развития человека, связанный с внутренней детерминацией) альтернативна социализации (как форме внешней детерминации). Самодеятельность, по И.П.Манохе, есть онтологическое условие развертывания сущности человеческого бытия, дающееся человеческому индивиду как пространство становления и развития его сущности, определяющее направление его сущностных влияний на мир, постигаемое и присваиваемое в качестве индивидуального способа действования [*6*, 32].

Принцип организации развивающих и формирующих психологических влияний определяет условия, при которых влияние психолога на психическое явление может действительно считаться развивающим. Главным условием для совершения такого влияния есть «содержательное сонастраивание» с предметом, с его сущностью, с индивидуальной логикой его развития.

Выводы. Нам удалось проследить линии *методологического родства*, сближающие творчество современных деятелей психологической науки[2] с дореволюционными традициями, ключевой фигурой на которых оказывается С.Л.Рубинштейн.

Наш взгляд «с высоты птичьего полёта» на методологический вклад С.Л.Рубинштейна в отечественные психологические традиции позволил выделить в нём два уровня, но при ближайшем рассмотрении уровней может оказаться гораздо больше (чему предварительное свидетельство – внутриуровневая неоднородность).

[2] К рассмотренной в предыдущем изложении *линии С.Л.Рубинштейна* мы с полным правом можем отнести и значительный пласт *психолого-педагогического творчества Е.В.Винославской*. Важные сведения о психической реальности были ею почерпнуты ещё в период аспирантства *лично у В.А.Роменца* (лекции которого запомнились ею как особенно яркие, понятные и доходчиво повествующие о сложных методологических вопросах). В дальнейшем среди сотрудников возглавляемой ею *кафедры психологии и педагогики НТУУ «КПИ»* в числе прочих традиций была представлена и *поступковая традиция С.Л.Рубинштейна – В.А.Роменца* вместе с *онтологически-ориентированной традицией С.Л.Рубинштейна – И.П.Манохи*. Опыт применения онтологического подхода как методологической основы в повседневной педагогической практике был реализован Е.В.Винославской в контексте задачи обучения студентов-маркетологов социологии предпринимательства. Именно онтологические основания были положены в основу модели разноуровневой реализации междисциплинарных связей, презентированной на двух конференциях [*4; 5*]. Онтологический подход к изучению психики был ёмко представлен и в учебном пособии «Психология», написанном коллективом кафедры и изданном под научной редакцией Е.В.Винославской [*8*]. К настоящему времени из украинских учебников и учебных пособий лишь два – этот и написанные коллективом авторов под редакцией А.В.Киричука и В.А.Роменца фундаментальные «Основы психологии» [*7*] – квалифицированно отстаивают данные научные позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. – М.: Наука, 1973. – 288 с.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 10-61.
3. *Брушлинский А.В.* С.Л.Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода к психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 61-102.
4. *Винославська О.В., Бреусенко О.А.* Різнорівнева реалізація міжпредметних зв'язків при навчанні маркетологів соціології підприємництва // Управління організацією: діагностика, стратегія, ефективність. Матеріали IV Всеукраїнської науково-практичної конференції 26-27 березня 1998 р.- К.-Трускавець: НТУУ «КПІ», ДДПУ, 1998. – С.27-28.
5. *Винославська О.В., Бреусенко О.А.* Соціологія підприємництва як важлива складова підготовки фахівців з маркетингу // Маркетинг: теорія і практика. Матеріали II міжнародної науково-практичної конференції 16-17 квітня 1998 р. – К.: КНЕУ, 1998. – С.31-32.
6. *Маноха И.П.* Человек и потенциал его бытия. – К.: Стимул, 1995. – 256 с.
7. *Основи психології* / За заг. ред. О.В.Киричука, В.А.Роменця. – К.: Либідь, 1995. – 632 с.
8. *Психологія*: Навч. посіб. / О.В.Винославська, О.А.Бреусенко-Кузнєцов, В.Л.Зливков та ін.; За наук. ред. О.В.Винославської. – К.: ІНКОС, 2005. – 352 с.
9. *Психологія:* Підручник / Під ред. Ю.Л.Трофімова. – К.: Либідь, 2000. – 558 с.
10. *Сергей Леонидович Рубинштейн*: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – 440 с.
11. *Роменець В.А., Маноха І.П.* Історія психології XX століття: Навч. посіб. – К.: Либідь, 1998. – 922 с.
12. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
13. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688с.
14. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 88-95.
15. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 420 с.
16. *Татенко В.А.* Психология в субъектном измерении: Монография. – К.: Просвита, 1996. – 404 с.
17. *Ткаченко О.М.* Принципи і категорії психології. – К.: Вища школа, 1979. – 198 с.
18. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 655 с.

Стаття надійшла до редакції 11.11.2008 р.